

ПАМЯТИ МИХАИЛА БОРИСОВИЧА ШЕЙНФЕЛЬДА

25 сентября 2011 г. на 89-м году ушел из жизни известный сибирский историк, профессор М.Б. Шейнфельд. Михаил Борисович принадлежал к представителям военного поколения советских людей, в судьбе которых война оставила неизгладимый след. Он встретил ее на передовой в качестве рядового 5-й гвардейской танковой бригады Западного фронта. В бою под Наро-Фоминском он получил тяжелейшее ранение, после которого вынужден был до весны 1943 г. лечиться в госпиталях. За мужество, проявленное в боях, М.Б. Шейнфельд был награжден орденами Отечественной войны I и II степеней и медалями.

Михаил Борисович проявил неимоверную силу духа, чтобы преодолеть последствия ранения, сделавшего его инвалидом I-й группы: в 1943 г. он поступил на исторический факультет Томского университета. Годы учебы в этом старейшем вузе Сибири стали, по его собственному признанию, настоящей школой профессионального мастерства.

После окончания университета в 1948 г. М.Б. Шейнфельд был направлен в Красноярский государственный педагогический институт, в котором и проработал вплоть до своего выхода на пенсию в 1986 г. За четыре с лишним десятка лет он сформировался в крупного специалиста в области отечественной истории и историографии, обладавшего широкой эрудицией, блестящей теоретической подготовкой, владевшего богатой палитрой методов научного исследования. Эти качества ученого проявились уже в его кандидатской диссертации «Борьба Советов Енисейской губернии за союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в первый период Советской власти в Сибири (ноябрь 1917 – июнь 1918 гг.)», успешно защищенной в 1955 г. По сути, она стала в те годы первым научным исследованием политической борьбы в Сибири на раннем этапе становления советской власти, автором была

вскрыта связь данного этапа с последующими событиями Гражданской войны. Эта тема получила свое развитие в публикациях ученого 1950–1960-х гг., в том числе в многотомной работе «История Сибири», в которой М.Б. Шейнфельдом совместно с такими видными советскими историками, как Л.М. Горюшкин, Д.М. Зольников и В.Л. Соскин, была написана II глава 4-го тома.

В дальнейшем научные интересы Шейнфельда существенно расширяются. В 1960-е гг. ученый обращается к вопросам историографии Сибири. Первыми его работами в этом направлении стали статьи, посвященные научному творчеству историков-марксистов В.А. Ватина-Быстрианского и А.Г. Шлихтера. Они дали толчок к расширению круга историков, в который постепенно входят и представители немарксистского направления – А.А. Кауфман, В.И. Семевский, историки народнического и областнического направлений. Так постепенно выкристаллизовывалась новая исследовательская проблематика, связанная с историографией Сибири XIX – начала XX в. По признанию самого ученого, она привлекала «возможностями глубоких научных обобщений, своеобразием преломления в развитии исторической мысли различных теорий общественного развития и исторического познания». Завершающим этапом этой работы стал выход в 1973 г. монографии «Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.)», послужившей основой для докторской диссертации, защищенной в том же году в Томском университете.

Научная ценность названного труда не утратила актуальности и для современного историка благодаря своей фундаментальности (в него были включены не только опубликованные труды историков, но и их рукописные работы из 22 фондов местных и центральных архивов), глубине анализа творческого наследия ученых, принадлежавших к разным школам и научным

направлениям. Главным методологическим отличием исследования Шейнфельда, по сравнению, скажем, с научными трудами другого видного историографа Сибири – В.Г. Мирзоева, является глубина философско-теоретического осмысления истории не только как науки о прошлом человечества, но и как «формы самопознания человеческого общества, извлечения опыта, обучения на уроках истории прошлого и истории современности». Отсюда и внимание ученого не только к трудам представителей, так сказать, «чистой» историографии, но и историко-публицистическим, историко-статистическим, историко-этнографическим исследованиям.

Конечно, в основу историографического анализа Шейнфельда были положены классово-партийные критерии: подразделение на главные социально-политические направления исторической мысли – марксистско-ленинское, буржуазное и мелкобуржуазное, что было естественным для советской исторической науки, однако в своих конкретных заключениях и обобщениях автор зачастую выходил за указанные рамки, отражая внутреннюю сложность и неоднозначность историографических явлений. Ученому всегда был чужд дух начетничества. В его трудах историки немарксистского направления позиционируются как живые, поглощенные поиском истины люди, в мировоззрении которых сложно и порой драматично преломлялись консервативные и демократические идеи.

Логическим продолжением изучения историографии Сибири на досоветском этапе для Шейнфельда стало обращение к анализу научного наследия историков, чье творчество совпало с переходом к советскому этапу историографии. Его перу принадлежат монография о видном исследователе Сибири – члене-корреспонденте АН СССР С.В. Бахрушине и цикл статей об оригинальном, но малоизвестном историке Н.Н. Козьмине.

Наряду с проблемами истории и историографии Сибири значительное место в научном наследии Михаила Борисовича занимали вопросы источниковедения. Большую ценность представляет изданный под его редакцией сборник документов «Красноярский Совет. Март 1917 – июнь 1918 гг. Протоколы» (Красноярск, 1960).

Михаил Борисович являл собой блестящий пример творческого долголетия. Даже после выхода на пенсию он продолжал научную деятельность. В сложное для исторической науки время на рубеже XX–XXI вв., когда рухнули столпы марксистско-ленинской методологии, многие даже молодые историки оказались просто парализованы страхом перед самостоятельным плаванием в море методологических проблем. Другие восприняли свободу научного поиска как свободу от методологии, от надоевших «измов», кто-то бежал от них, зарываясь в спасительную фактографию, кто-то оставался верным научной старине. Лишь для немно-

гих это время стало обретением подлинной свободы научного мировоззрения. Михаил Борисович оказался внутренне готов к переменам. В начале 2000-х гг. выходят в свет его работы «Методологические дискуссии в отечественной исторической науке (60–90-е гг. XX в.)» (Красноярск, 2003) и «Методология истории» (Красноярск, 2005), в которых историк подводит итоги теоретико-методологических поисков в отечественной историографии. В этом же ряду стоит и его обширная статья, посвященная видному советскому историку М.Я. Гефтеру (История и историки. М., 2010). Эти последние работы ученого отмечены не только присущей его творческой манере аналитической глубиной и человеческим тактом, мудростью в оценке вклада коллег в науку, но и удивительным оптимизмом, верой в то, что историческая наука способна дать истинное знание обществу о себе самом.

Нельзя не сказать о педагогической деятельности Михаила Борисовича. Его лекции всегда отличались высоким профессионализмом. Он умел, не упрощая, преподавать сложнейший для восприятия студентов курс «Методологии истории» так, что он был не только понятен, но побуждал к самостоятельному творчеству. Как педагог, Михаил Борисович пользовался исключительным уважением в студенческой среде, несмотря на то, что всегда оставался требовательным и не искал дешевой популярности. Для студентов и аспирантов он являлся воплощением академической культуры: всегда точный, пунктуальный, не допускавший какой-либо расхлябанности, небрежности, особенно в отношении к делу, и вместе с тем доброжелательный, деликатный, готовый всегда поделиться секретами профессионального мастерства и с уважением относящийся к достоинству своих учеников.

Много лет Шейнфельд руководил аспирантурой при кафедре отечественной истории Красноярского государственного педагогического института. Под его руководством защищено восемь кандидатских диссертаций и две докторские. Он являлся членом диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, немало соискателей были благодарны ему за советы и помощь. Можно без преувеличения сказать, что на факультете сложилась школа Шейнфельда, ученики которой продолжают развивать заложенные им исследовательские методы и традиции.

Михаил Борисович всегда пользовался среди коллег непререкаемым моральным авторитетом и как ученый, и как человек. Нередко апелляция к его мнению была весомым аргументом, который решал исход какого-либо спора, примирял разногласия. Имя Шейнфельда было известно далеко за пределами Красноярска, являясь своего рода эмблемой красноярских историков. Михаил Борисович оставил в сердцах всех, кто его знал, неизгладимую память и самые теплые чувства.

Коллеги, ученики